

ВАХТА ПАМЯТИ

Песчинка в море победы

В восемнадцать лет Василий Смирнов ушел в армию, участвовал в двух войнах, воевал под Сталинградом, был ранен, спасся чудом. В 1951 г. с отличием окончил Финансовый институт в Москве и был принят в аспирантуру, по окончании защитил кандидатскую диссертацию. С 1954 г. — старший преподаватель Иркутского финансово-экономического института, потом — заведующий кафедрой Омского сельхозинститута.

Затем Василий Дмитриевич переезжает в новосибирский Академгородок. И вот уже больше 40 лет он работает в Институте экономики и организации промышленного производства. Защитил докторскую диссертацию, стал профессором, специалистом в области экономики агропромышленного комплекса страны. В списке его научных трудов более 130 публикаций, в том числе 10 книг, а в 12 монографиях он является соавтором. За годы научной деятельности В. С. Смирнов подготовил несколько кандидатских экономических наук. Написал два фундаментальных труда, первый — «Об устройстве экономической жизни человека», второй посвящен методологии измерения и анализа на макроуровне производительности труда. Материал на эту тему был представлен в Госкомстат РФ, откуда пришло сообщение, что его материал будет использован в процессе совершенствования методов расчета макроэкономических показателей.

— Собственно, на войну я попал в июле 1942 года, под Сталинград, будучи командиром взвода связи стрелкового батальона. Когда к городу со всей страны начали стягивать войска, среди них была и наша дивизия, прибывшая с Дальнего Востока, где я служил после окончания средней школы в Тобольске. Мы ждали нападения со стороны Японии, участвовали в сооружении оборонительных рубежей, осваивали разные военные специальности. Я, например, обучался пулеметному делу. И вдруг нас собирают и, как в песне поётся, объявляют, что началась война. Правда, совсем не та, что мы ждали.

— И какие были первые впечатления?

— Новость мы восприняли достаточно спокойно. Тогда были самые радужные представления о нашей армии и ее боеготовности. Мы считали, что война закончится буквально за пару месяцев, мы разобьем фашистов и дойдем до их логова. Часть солдат и младших командиров из нашего полка отправили на переподготовку. Так я освоил новую военную специальность — связиста. Присвоили звание младшего лейтенанта и назначили командиром взвода связи. А война все не заканчивалась... Немцы завоевывали все большие территории и уже практически подошли к Москве, и вот, когда командование получило точную информацию от Рихарда Зорге, что Япония не собирается на нас наступать, а планирует захватывать юго-восточные территории, было принято решение перебросить нас на фронт.

Место, куда нас привезли, находилось на берегу Дона, около города Серафимович. В нашу задачу входило переправиться через Дон и освободить от немцев этот город, создав плацдарм для накопления советских войск. Немцам стало известно о нашем появлении, и они приготовили «гостинец» — ураганный огонь из минометов. Погибли тогда многие, это было нашим боевым крещением.

— Страшно было?

— Конечно страшно, мы же были не обстрелянные. На фронте я пробыл совсем недолго, 20 дней. Мало кому удавалось продержаться дольше — это была просто «мясорубка», тем более для пехоты. Меня ранило во время ночной разведки боем, перебило ноги, я упал и не мог двигаться. На мое счастье рядом оказались два бойца с плащ-палаткой, которые и вытащили меня из боя. Потом полгода госпитализация, после чего меня комиссовали. После госпиталя я решил поехать к родителям, которые жили в Ямало-Ненецком автономном округе, в поселке Халмер-седз («халмер» — кладбище, «седз» — горка, то есть Кладбищенская горка)

В поселке я стал первым солдатом, вернувшимся с войны. Гражданской специальности у меня не было, поэтому устроился в школу военруком. Работы хватало, в школе в те годы военное дело преподавали с 1-го по 10-й класс. Но через год меня снова призвали в армию.

— Но ведь вас же комиссовали?

— Шел уже 44-й год, потребность в пополнении армии была страшная, а я за полтора года пришел в себя, правда, чуть-чуть хромал, но это мелочи. На этот раз меня вновь отправили на войну против так называемых японских милитаристов. Война с Германией закончилась 9 мая, и было решено разгромить Японию. Основная задача ложилась на Америку, СССР же должен был освободить Северный Китай от квантунской армии. Я был в составе самоходного артдивизиона. Об этой войне практически ничего не известно, ни одного романа не написано, снят всего один фильм. Она окончилась молниеносно — длилась меньше месяца, и вся миллионная японская армия была пленена. Вот и все мои войны.

Когда меня просят выступить перед школьниками, молодежью, я сразу говорю: никаких подвигов я не совершал. Я был песчинкой в море, которое во время представляла собой Красная Армия. Подвиг был в том, чтобы просто выполнять свой долг, двигаться вместе со всеми, несмотря ни на что.

— Война закончилась, прошли годы, вы стали известным экономистом, а что повлияло на ваш выбор профессии?

— Участие в боевых действиях накладывает определенный отпечаток на формирование личности, характер человека. В такой обстановке «ловить мух» нельзя, надо действовать быстро, решительно, иначе убыток. И вот, после ранения находясь в заполярном поселке, я решил, что нельзя плыть по течению — нужно продолжить учебу, ведь не зря же проучился в школе 10 лет (в наше время мало кому удавалось получить среднее образование). Я не стал мелочиться и послал документы не куда-нибудь, а в Институт внешней торговли. Но там не давали общежитие, поэтому пришлось пойти в Московский финансовый институт, где проучился я после поступления всего один день — ушел воевать с Японией. Но затем все-таки завершил образование, стал экономистом, хотя и не международником, а аграрником.

Зато могу похвастаться: в 1980-х годах я организовал в трех колхозах такую систему внутрихозяйственных отношений, о которой писали все центральные газеты. И какие только делегации не посещали эти хозяйства!

— А в чем заключалась новизна?

— В основе был следующий принцип: в колхозе все подразделения были козрасчетными, и все работники входили в какие-либо структурные подразделения. Оплата труда была коллективная и определялась разницей между вырубкой от продажи продуктов или услуг и материальными затратами. Подразделение было заинтересовано в том, чтобы с минимальными материальными затратами получить больше продукции лучшего качества, за что, соответственно, полагался больший фонд оплаты, который потом распределялся между работниками. Я считаю, это были лучшие годы моей деятельности и лучшая для меня награда — звание Почетного колхозника двух колхозов, которое мне присвоили на общих собраниях. Причем это не

просто звание, почетному колхознику полагались определенные льготы — например, бесплатное жилье в этом колхозе и др.

— А вас не критиковали за внедрение внутриколхозной рыночной системы?

— Нет, наоборот, хвалили, время тогда уже изменилось.

— Как вы считаете, что можно сделать, чтобы восстановить экономику страны, наше сельское хозяйство?

— Не нужно далеко ходить, есть примеры успешных экономических моделей, которые можно было бы внедрить у нас. Это модель скандинавских стран, в том числе шведская.

— Василий Дмитриевич, а как, по-вашему, можно было обойтись без распада Советского Союза?

— Та система, которая существовала в СССР, была приговорена, поскольку не опиралась на рыночную основу. Экономическая наука была отсталой и ничем не могла помочь разваливающемуся государству. На XIX партийной конференции была принята резолюция о переходе к рынку, но никто в реальности не знал, как это сделать правильно. Поэтому все прошло преступно неграмотно (приватизация и прочее), и теперь у нас процветает олигархическая, далеко не самая лучшая модель капитализма.

— А правда, что вы общались за границей с А. Чубайсом, в бытность его аспирантом, или это анекдот?

— Правда. Как-то в Венгрии проходила международная экономическая конференция, на которую был приглашен и я. На ту же конференцию летел мой друг Слава Шеронин из Москвы. Нам надо было переночевать в Будапеште. Стали думать о гостинице, но цены были неподъемные. И тут Слава вспомнил, что у него есть в Будапеште друг, который может помочь. Это был Чубайс, который приехал в Венгрию по обмену. Мы гуляли по городу, общались. Вечером Анатолий тайком, на цыпочках, провел нас в свою маленькую комнату, которую ему выделил университет. Там помещались только стол, тумбочка и кровать. Посидели, пообщались, выпили, закусили, пришло время сна. Мне как старшему предоставили кровать, остальные располжались на полу. Наутро мы расстались и больше не встречались. Но его визитка у меня сохранилась.

— А экономическую ситуацию-то вы обсуждали?

— Мы говорили на разные темы. Естественно, интересовались, чем он занимается за границей, кроме обучения в университете. Он рассказал о каком-то своем бизнесе по продаже автомобилей. А вообще, Чубайс на меня особого впечатления тогда не произвел — парень как парень...

— Вы встречались когда-нибудь с однопольчанами или в живых никого не осталось?

— Нет, не встречал никого. И когда обычно спрашивают про награды, я отвечаю, что главная моя награда — это жизнь. Недавно посчитали, что из всех мужиков 1922 года рождения в живых осталось только три процента, и я оказался в их числе. Какую еще награду можно пожелать?

— А как вам удается оставаться таким молодым?

— Три дня назад мне исполнилось две восьмерки. Ну, во-первых, у меня хорошие гены, моя мама дожила до 93 лет, бабушка — до 92. Раньше бегал на лыжах, сейчас каждое утро делаю пробежку, после — ледяной душ. Никогда не злоупотреблял спиртным, Бог уберет, ведь не секрет, что многих фронтовиков сгубила водка. Пресловутые фронтовые «сто грамм», перенятые у немцев (в первые годы у нас такого не было), споили нашу армию, хотя об этом практически нигде не говорят. Я не курю и никогда не курил. Работая до сих пор, думаю, что когда люди выходят на пенсию, они быстро стареют. И главное — я никогда и ни с кем не конфликтую, со всеми стараюсь сохранять доброжелательные отношения. Думаю, все это в совокупности и есть рецепт моего долголетия.

Елизавета Садыкова

Историки в поиске инноваций

В Институте истории СО РАН состоялся первый открытый теоретико-методологический семинар по новым направлениям в исторических исследованиях.

Заседание проходило в Институте истории СО РАН и собрало три десятка участников: сотрудников и аспирантов Института истории, преподавателей и студентов Гуманитарного факультета НГУ. Семинар был подготовлен и проведен по инициативе Совета Научно-образовательного центра «Историческое сибиреведение», созданного Институтом археологии и этнографии СО РАН, Институтом истории СО РАН, Гуманитарным факультетом и Специализированным учебно-научным центром НГУ в рамках Программы развития НГУ как Национального исследовательского университета. Вел заседание семинара доктор исторических наук, профессор В. И. Шишкин.

С докладом «Новая историческая наука: современная ситуация в исторических исследованиях» выступил преподаватель НГУ, кандидат исторических наук В. В. Журавлев. Дав характеристику «старой», традиционной исторической науки, докладчик констатировал, что позитивистские, в духе XIX века, формы историописания, несмотря на их интеллектуальную недостаточность, продолжают господствовать в постсоветской отечественной исторической науке.

Докладчик отметил, что «новая историческая наука» родилась именно как попытка преодоления позитивистского эмпиризма и марксистского социологизма во имя одной высшей цели — прорыва к пониманию прошлого. Ключевой, предельной категорией (подобной тому, чем для позитивистской историографии была политика, а для марксизма — экономика) для современной исторической науки является широко понимаемая культура. Вот почему в «новой исторической науке» на приоритетные позиции выдвигается историческая антропология или, если употребить более привычные для отечественных историков термины, — «этнография прошлого».

В. В. Журавлев акцентировал внимание на том, что историческая антропология делает предметом своих штудий темы, которые раньше являлись периферийными или совсем не изучались классической исторической наукой. В результате происходит изменение традиционной иерархии исторических проблем, а также источников и методов их изучения. «Непрерывную» историю, макроисторию и тотальную историю все больше теснят исследования, выполненные в жанре локальной истории и микроистории. Сформированное исторической антропологией проблемное поле, подчеркнул докладчик, является вызовом для отечественной исторической науки и одновременно открывает перед российскими историками захватывающие интеллектуальные перспективы.

Выступление иллюстрировалось емкой и содержательной электронной презентацией.

Доклад вызвал большой интерес, поток вопросов и ряд обстоятельных выступлений. В дискуссии приняли участие доктор исторических наук А. С. Зуев, В. А. Исупов, В. И. Шишкин, кандидаты исторических наук А. В. Дмитриев, А. И. Савин, С. В. Санников, И. Р. Соколовский. Они высказали свои соображения относительно того, за счет чего возможен инновационный прорыв в отечественной историографии. В качестве таких приоритетных направлений были названы обновление не только проблемного, но и «событийного» исследовательского поля, упразднение условных границ которого позволит приблизиться к написанию «полной» истории, использование междисциплинарного синтеза в качестве методологической основы, более широкое использование методов клиометрии и компаративистских подходов.

Принято решение сделать заседание семинара периодическими. На следующий семинар, намеченном на первые числа апреля, предполагается обсудить доклад кандидата исторических наук С. В. Санникова «Междисциплинарные методологические подходы к изучению образцов власти».

Соб. инф.